

Санкт-Петербург, 2015

*ОН БРОСИЛ ВЫЗОВ ИМПЕРАТОРУ
И СТАЛ ГЕРОЕМ ВЕРЫ*

ЕГО ПЕРВЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
ИЗМЕНИЛ ХОД ИСТОРИИ

АДВОКАТ

ПОСЛЕДНИЙ — СУДЬБУ ИМПЕРИИ

РЭНДИ СИНГЕР

ББК 86.37
С38

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

THE ADVOCATE

by Randy Singer.

Printed in Russian by Visson Publishing
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.

All rights reserved.

Сингер, Рэнди

С38 Адвокат / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС, 2015. — 496 с.

ISBN 978-5-94861-219-5 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-86-0 (Виссон)

На этот раз Рэнди Сингер, автор захватывающих судебных триллеров, обращается к жанру исторического романа и переносит читателя в первое столетие нашей эры, в Древний Рим. Рассказанная им история Феофила — предполагаемого адресата Евангелия от Луки и Деяний святых Апостолов, адвоката, принимавшего участие в суде над Иисусом Христом и апостолом Павлом, — порадует давних поклонников его таланта и, несомненно, завоеует немало новых.

ББК 86.37

ISBN 978-1-4143-9130-4 (Tyndale House Publishers)

ISBN 978-5-94861-218-8 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-85-3 (Виссон)

© Randy D. Singer, 2014

© Издательство «Виссон», 2015

*Памяти Ли Хоу, литературного агента и друга.
«Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас...»*

Флп. 1:3

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

- *Историческая фигура*
- * *Вымышленная личность*
- † *За основу взята историческая личность, о которой известно немного*
- ‡ *За основу взята историческая личность, имя которой неизвестно*
- **Агриппа** — внук Ирода Великого; император Клавдий назначил его правителем в Иудее и Самарии
- **Агриппина Младшая** — сестра Калигулы, четвертая жена Клавдия, мать Нерона
- * **Адрианна** — весталка, выбранная императором Калигулой верховной жрицей в 38 г. н.э.
- † **Андроник** — старший служитель в римской церкви
- **Анна** — бывший израильский первосвященник, еще сохранявший власть во времена суда над Христом
- † **Апроний** — римский сенатор, обвинявшийся в измене при императоре Тиберии
- **Каиафа** — израильский первосвященник во времена суда над Христом
- **Калигула** — римский император в 37–41 гг. н.э.
- * **Кальпурния** — великая весталка в 28–38 гг. н.э.
- † **Катон** — римский сенатор, служивший консулом в 36 г. н.э.
- ‡ **Квинт** — римский сотник, который руководил казнью Иисуса
- **Клавдий** — римский император в 41–54 гг. н.э.
- * **Кобий** — римский гладиатор из одной школы с Мансуэтом
- **Корнилий** — римский сотник в Кесарии
- † **Криспин** — римский сенатор, который стал известен как *делаторий* (доносчик), потому что обвинил других сенаторов в измене
- **Латеран** — римский аристократ, помилованный и восстановленный в правах Нероном

- * **Лонгин** — римский сотник, присутствовавший на суде Пилата над Христом
- * **Луциан Аврелий** — друг детства Калигулы, который позже станет членом преторианской гвардии
- **Макрон** — префект преторианской гвардии в 31–38 гг. н.э.
- * **Мансуэт, гладиатор** — один из величайших гладиаторов Рима в период правления Тиберия и Калигулы
- * **Мансуэт, сын** — молодой многообещающий адвокат, названный в честь гладиатора
- **Марк Лепид** — государственный деятель в правление Тиберия
- * **Марк Сербий** — верный друг детства Феофила
- **Нерон** — римский император в 54–68 гг. н.э.
- † **Онисим** — раб Филимона из Колосс и соратник апостола Павла
- **Павел Тарсянин** — апостол и выдающийся служитель ранней Церкви
- **Пилат** — префект римской провинции Иудея в 26–36 гг. н.э.
- † **Прокула** — жена Пилата
- † **Рубрия** — весталка, выбранная императором Калигулой в 38 г. н.э.
- **Сенека Младший** — римский философ и политический деятель
- * **Сергий** — римский солдат, приставленный охранять Павла
- **Сеян** — префект преторианской гвардии и фактически правитель Рима после удаления Тиберия на остров Капри
- **Тиберий** — римский император в 14–37 гг. н.э.
- **Тигеллин** — префект преторианской гвардии в 62–68 гг. н.э. и друг Нерона
- † **Феофил** — известный римский адвокат, служивший ассессором Пилата в Иудее и позже защищавший Павла перед Нероном
- * **Флавия** — весталка, избранная императором Тиберием
- **Херея** — воин преторианской гвардии, призванный защищать Калигулу
- † **Юния** — диакониса римской церкви

ЧАСТЬ I

УЧЕНИК

В ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД ПРАВЛЕНИЯ
ТИБЕРИЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ АВГУСТА

Мне было четырнадцать, когда я узнал, каково это — быть распятым.

Нас было двенадцать учеников Сенеки Младшего. Мы взвалили поперечины крестов себе на плечи и вынуждены были тащить их не меньше восьми километров по булыжникам Аппиевой дороги. День выдался жарким и сухим. Рот и нос забивала пыль. Я сжал зубы и почувствовал, как на них хрустит песок. Я облизал высохшие губы в тщетной попытке побороть сухость во рту. По лицу струился пот. Впереди шел Сенека, который нес лишь мех для воды. Пропотевшая туника прилипала к его широкой спине. Моя собственная одежда также была мокрой и грязной. Сандалии скрипели при каждом шаге.

Поначалу я взвалил поперечину на свои тощие плечи, но вскоре бросил это дело и просто тащил ее, как и большинство учеников. Весила она почти с меня. Неотесанное дерево натирало спину, поэтому я тащил ее, перекладывая с плеча на плечо. Не волок ее за собой лишь Луциан. Он был на два года старше остальных и сложен как гладиатор. Поперечина лежала у него на плечах, но даже он начал понемногу сгибаться под ее тяжестью.

Чтобы все выглядело еще натуральнее, Сенека нанял римского легионера, который подгонял отстающих. Легионер был хмурым, коренастым и небритым, с отвратительным запахом изо рта и презрительным отношением ко всем. Ему наконец-то довелось покомандовать детьми аристократов, словно мы были обычными рабами. Если мы останавливались, он ругался и грубо толкал нас.

Он пил воду большими глотками и дразнил нас, рассказывая, какая она свежая, а потом сплевывал большую часть на землю.

— Когда мои родители об этом узнают, Сенеке голову отрубят, — задыхаясь, пробормотал Луциан.

Уверен, Сенеку это не заботило. Он должен был выковать из нас молодых людей, способных стать римскими сенаторами, наместниками или судьями. Но это было ничто по сравнению с военным обучением, с которым многие мои сверстники столкнутся в ближайшие годы. И все же мы были детьми сенаторов и всадников, поэтому бросали друг на друга раздраженные взгляды. *Кем он себя возомнил, если считает, что может нас так унижать?*

Время Калигулы было самым легким. Буквально. Он был моим сверстником, но выше сантиметров на пять, с длинными ногами и тонкой шеей. Голова, увенчанная рыжими курчавыми волосами, казалась слегка большой для его тела. Калигула был человеком подлым, поэтому я предпочитал держаться от него подальше. Существовало неписаное правило, нарушать которое было ни в коем случае нельзя; мы боялись не самого испорченного молодого человека, но его семьи.

Полное его имя было Гай Юлий Цезарь Германик. Он родился на поле боя в Галлии у великого военачальника Германика и его жены Агриппины. Именно солдаты прозвали его Калигулой, что значит «Сапожок». Для войск Германика он стал своего рода талисманом удачи — его брали с собой в сражения, хотя и держали при этом в последних рядах наступавших. Он был внучатым племянником императора и сам однажды мог стать им, если бы его матери удалось отравить всех нужных родственников.

А еще он был задирой.

Чуть раньше на прогулке он издевался над моим другом Марком, вымещая собственное недовольство на более слабых. А теперь он просто устал.

— Это возмутительно, — не раз повторял Калигула. В отличие от Луциана, он говорил достаточно громко, чтобы Сенека его услышал. И все же наш учитель не обращал на него внимания и продолжал шагать. Несколько раз Калигула останавливался, и тогда легионер толкал его, хоть и не так сильно, как остальных.

Я не поднимал головы и считал каждый шаг, доходя до сотни и начиная сначала. Я шагал на своем обычном месте — перед классом, чуть позади Сенеки.

Почти в полдень Сенека наконец остановился на пастбище у дороги. Рядом бежал тонкий ручей с холодной водой. Я бросил поперечину на землю и склонился, упершись руками в колени и пытаюсь перевести дыхание.

Сенека разрешил попить и предложил усесться на поперечины, которые мы несли. Он стоял в самом центре нашей маленькой группы. Я почти ослеп от солнца, когда поднял глаза на учителя.

Сенека отер пот с глаз и начал сегодняшний урок. Легионер стоял рядом с ним, скрестив руки на груди и злобно ухмыляясь.

— Все вы слышали о Третьей войне с рабами, — начал Сенека, — о двухлетнем восстании рабов под предводительством Спартака против Рима. Сенат не воспринимал бунт рабов всерьез, пока не оказалось, что под угрозой сам Рим.

Некоторые из учеников заерзали на своих поперечинах, устраиваясь поудобнее. Но не я. Я могу слушать Сенеку весь день. Курчавые волосы, по-детски круглое лицо и маленькие голубые глаза делали его похожим на безобидного ребенка, но у него был властный голос. И мне нравились его ум и цинизм. Наверное, так же когда-то любили Цицерона его ученики. Воины людей убивали, гладиаторы развлекали, а ораторы, вроде Цицерона и Сенеки, их вдохновляли. Однажды таким стану и я.

— Марк Лициний Красс был богатейшим членом сената. Возможно даже, богатейшим в истории Рима, — продолжил Сенека. — У него было более пятисот рабов, а еще он был специалистом в архитектуре. Он знал, как не дать пожару распространиться, и делал это, разрушая горящие здания, тем самым не позволяя огню перекинуться на соседние дома. Когда заполыхал Рим, Красс и его люди тут же обратились к владельцам домов, находившихся в опасной близости от пожара. Те могли недорого продать свои дома юному Крассу — или просто наблюдать, как их имущество сгорало. Лишь только заключалась сделка, рабы Красса сразу тушили пожар, а сам он получал заслуженную награду.

— Гениально, — усмехнулся Калигула.

Сенека покосился в его сторону, но я знал, что тому все равно.

— На пике славы состояние Красса оценивалось более чем в двести миллионов *сестерциев*. Он сколотил свое богатство на рабском труде, поэтому был крайне заинтересован в подавлении восстания Спартака. Лучшие военачальники Рима сражались далеко за пределами страны, поэтому Красс направил против Спартака и восставших рабов собственную армию. Первые несколько сражений прошли для него неудачно. При малейшей опасности поражения его солдаты бросали оружие и бежали. И чтобы поднять боевой дух армии, Красс возродил древнюю практику децимации. Что это значит, Луциан?

— Простите, учитель Сенека. Что это значит?

Сенека помолчал несколько мгновений, чтобы показать свое неудовольствие.

— *Децимация*. Каково происхождение этого слова?

— Не знаю, — нахмурился Луциан.

— Кто знает? — спросил Сенека.

Я знал ответ, но давно уже понял, что порой лучше держать язык за зубами. Я опустил глаза, когда Сенека осматривал группу.

— *Децимация* происходит от слова *decimare*, что значит уничтожать десятую часть, — пояснил Сенека. Он придвинулся к нам поближе и, казалось, сиял сам в блеске солнца за его спиной. — Красс делил римские легионы на группы по десять человек и заставлял тянуть жребий. На кого из десяти падал жребий, того остальные девять лишали доспехов и забивали до смерти. Боевой дух солдат резко взлетел вверх. Красс показал им, что его надо бояться больше, чем врагов.

Теперь Сенека завладел всеобщим вниманием. В мыслях я представлял, как все мы тянем жребий и остальные забивают проигравшего до смерти. Я не знал, смогу ли заставить себя сделать это.

— В итоге люди Красса окружили армию Спартака. Тот желал навязать Крассу личное сражение и пробивался к военачальнику, но его армия была слабее. Спартак погиб в бою, так и не добравшись до Красса. Шесть тысяч рабов было взято в плен.

Сколько я себя помню, меня учили презирать Спартака и начатый им кровавый бунт. Восстание стало плевком в лицо всем

римским гражданам. Но тем не менее отчасти я был на стороне врагов — из-за своего природного желания встать на защиту унижаемых. Втайне я желал, чтобы Спартак прорвался через строй противников и сразился с Крассом один на один, как и должны сражаться настоящие мужчины.

— Красс пожелал сделать так, чтобы ни один раб империи больше не решился на восстание, — продолжил Сенека. — И он превратил казнь путем распятия в нечто сродни искусству.

Сенека выдержал достаточно драматичную паузу, чтобы мы поняли, что сейчас нас ждет нечто необычное. Именно поэтому наши родители и платили немалые деньги за обучение в его школе. Он был известен благодаря своим запоминающимся выступлениям.

— Вы, конечно, еще слишком молоды, чтобы посещать игры и видеть там настоящие казни, но наверняка многие видели преступников, висящих на крестах вдоль дороги за городскими стенами. И вам, наверное, будет интересно, если Галл расскажет, как это происходит.

Галл, легионер, сделал шаг вперед, как раз туда, где сидел я. *И почему всегда я?* Я уставился на черные волосы его ног, мозолистые ступни и поношенные сандалии.

— Встать! — грубо приказал он.

Я поднялся, глядя ему прямо в глаза.

Он взял мою поперечину и положил перед всеми. Из-за пояса он достал молоток, а из мешка — длинный и острый гвоздь.

— Ляг на брус, — указал он. — Растяни руки по перекладине.

Я глянул на Сенеку; тот слегка кивнул.

— Помощь нужна? — спросил у легионера Калигула.

— Хочешь на его место? — парировал Галл.

— Не особо.

— Тогда заткнись.

Я лег на брус и широко растянул руки, не сводя глаз с Галла. Легионер встал рядом на колени с молотком в одной руке и гвоздем в другой.

— Мы берем пятнадцатисантиметровые гвозди, — пояснил он, прижимая острие к моему запястью. — Иди сюда, поддержи, — обратился он к одному из учеников. То был мой тощий

друг Марк. Нести свое бремя ему было сложнее всего, поэтому сегодня он больше всех получал от Галла.

Марк поднялся и прижал гвоздь к моему запястью. Руки у него дрожали.

— Волнуешься? — спросил Галл.

— Да, господин.

— Нечего тебе волноваться. А вот приятелю твоему стоило бы.

Галл усмехнулся, но мне было все равно. Я знал, что Сенека не позволит ему зайти так далеко. Может, Галл и пустит немного крови, но пробить мне запястье Сенека ему не позволит.

— Мы обнаружили, — Галл обвел взглядом остальных, — что, если повредить проходящий через запястье нерв, боль будет просто невыносимой. И еще, если загнать гвоздь вот сюда, он застрянет между костями и так просто из руки не выйдет.

— Боль настолько сильна, — пришел на помощь Сенека, — что для ее описания придумали даже новое слово. Наше *excruciatius*, то есть истязания, буквально означает «из креста».

Галл продолжил в деталях описывать процесс. Как пригвоздить ноги. Как приговоренный буквально задыхается под весом собственного тела, теряя силы в попытках подтянуться, чтобы перевести дыхание.

— Обычно мы даем им повисеть три дня. На второй день практически все умирают, а на третий день уже и птицы могут попировать. Вопросы?

Ни одного не было.

Галл взмахнул молотком. Я зажмурился и сжался. Он остановил руку в паре сантиметров от гвоздя и рассмеялся. Затем он позволил мне подняться и на трясущихся ногах вернуться на свое место, пока рассказывал, какими хитростями пользуются воины, чтобы распинать приговоренных к казни.

— Ладно, — наконец проговорил Сенека, — похоже, они все поняли.

Галл сделал шаг назад, и Сенека продолжил занятие.

— Рекорд Красса до сих пор никто не побил, — проговорил Сенека. — Он распял всех взятых в плен рабов, шесть тысяч человек, и выставил кресты с ними вдоль Аппиевой дороги отсюда и до самого Рима.

Учитель сделал паузу, чтобы мы осознали весь ужас случившегося. Мы прошли по дороге не один километр. И когда-то вдоль всего этого пути стояли кресты с умирающими.

— Красс со своими людьми проехал по дороге с распятыми рабами, которые просили о милости и умоляли проткнуть их копьем. В Риме Красса встретили ликующие толпы, увенчали его лавровым венком и приветствовали как *триумфатора*. Он принес в жертву белого быка в храме Юпитера, а город праздновал несколько дней. Говорят, даже через три дня после того, как тела были сняты, еще чувствовалась их вонь.

Сенека глянул на Аппиеву дорогу поверх наших голов, как будто представил себе эту картину.

— Поэтому хочу вас спросить, — заговорил он тише, — должны ли римляне распинать людей? Приличествует ли подобное поведение самой передовой цивилизации, которую когда-либо знал мир?

Я смотрел на Сенеку, но краем глаза заметил и Галла. Он, казалось, напрягся от одного только предположения о том, что кто-то способен поставить под сомнение его любимый способ казни.

Я надеялся, меня Сенека не спросит. Вся моя внутренность утверждала, что распятие недостойно славы Рима. Как могли мы быть так жестоки к нашим врагам? Если мы поступаем подобным образом, то чем мы отличаемся от варваров? А как же невиновные, осужденные за то, чего не совершали? Ведь наша система правосудия несовершенна.

Но я не хотел показаться остальным ученикам слабым. Устроенное Сенекой маленькое представление с Галлом в главной роли предназначалось для того, чтобы мы поняли, насколько ужасно умирать вот так. Однако мы римляне. Мы должны стойко смотреть в лицо смерти, сколь бы ужасна она ни была. Это признак мужественности — уметь переносить подобную жестокость, даже в какой-то степени наслаждаться ею.

— Я отвечу, — поднялся Калигула.

— Давай, Гай, — отозвался Сенека. Он никогда не называл Калигулу его прозвищем.

— После победы Красса над Спартаком наблюдались ли еще восстания рабов? — спросил Калигула. Вопрос, конечно, был

риторическим. Подобному способу спора нас научил сам Сенека. — Я родился на поле боя, — продолжал Калигула. — Я видел множество войн. Множество смертей. Отрезанные головы, вывалившиеся наружу внутренности. Выживает сильнейший. В этом нет ничего красивого, никакой философии. Так что и спорить не о чем.

Последний комментарий был уколом в сторону Сенеки, и мне стало интересно, как поступит наш учитель. Он, как обычно, и глазом не моргнул.

— В одном я не согласен с Крассом, — продолжил Калигула, — что он перевел кучу хорошего дерева на ничемных рабов.

Калигула постоял некоторое время, гордый от собственного остроумия. Затем ухмыльнулся и сел.

Сенека осмотрел молодые лица перед ним.

— Есть возражения? — спросил он.

Я знал, что не должен вступать. Плюсов в ссоре с Калигулой не было никаких. Наверняка на защиту Калигулы встанет Луциан — быть может, не сейчас, а когда Сенеки не будет рядом. К ним присоединятся и остальные, которые их боятся. Со мной согласится, наверное, только малыш Марк, а с ним проблем порой бывало больше, чем без него.

Но разве мог я молчать? Смолчи я сейчас, как я поступлю в действительно важной ситуации?

Уверен, когда я встал, Калигула закатил глаза.

— Я не согласен, — начал я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно увереннее.

— Феофил... — отозвался Сенека. — Почему-то я ни капли не удивлен.

Я посмотрел на Сенеку, стараясь не замечать остальных учеников даже краем глаза. Я знал, что нужно быть осторожным, потому что Калигула был вспыльчив и не любил, когда его выставляли глупцом. Но когда у меня были зрители, я не мог удержаться и не покрасоваться немного.

Я встал в полный рост и заговорил ораторским голосом, которому меня научил Сенека.

— Не станем слушать тех, кто полагает, что мы должны гневаться на наших врагов и считать, что поступать так благородно и мужественно, — проговорил я. — Нет ничего более славного, что показывает величие и благородство души, чем милосердие и готовность прощать.

Некоторые из одноклассников от моего выступления застонали. Пускай. Сенека научил нас не обращать внимания на враждебно настроенных слушателей.

— Так говорит Цицерон, таковы слова истины и рассудка, — гордо сказал я. — Добродетелями римлян должны быть не только справедливость и храбрость, но прощение и милость.

— И это говорит человек, ни разу не видевший сражения, не видевший, как варвар обезглавил его друга, — возразил Сенека. Он начал вышагивать, оценивая реакцию учеников. — Неудивительное совпадение, но Цицерон тоже ни разу не бывал на поле боя. Так может, в словах юного Гая есть смысл? Рим покорил мир не учтивостью и решениями сената. Наша цивилизация, в том числе и излюбленная строгость в соблюдении римского права, распространилась благодаря грубой силе. — Сенека не сводил с меня глаз. — Можно ли заявлять, что считаешь закон, и при этом не поддерживать формы наказания, благодаря которым остальные будут его соблюдать? — Он указал на Аппиеву дорогу

за моей спиной. — Такие дороги из воздуха не появляются. Их строят. Строят рабы, как и имение твоего отца, Феофил. Не может быть прогресса без цивилизации, цивилизации — без порядка, а порядка — без наказания.

Не знаю, действительно ли Сенека так считал или просто хотел оспорить мои слова. Он всегда был суров к ученикам вроде меня, которые думали, что могут отстоять свою точку зрения. И по-моему, он слишком легко оставлял в покое учеников вроде Калигулы, которые даже не пытались спорить.

Я хотел заметить, что Сенека тоже ни разу не был на поле боя. Наверняка он не выдержал бы и дня форсированного марша. У него было нежное тело философа, но разум был сродни закаленной стали.

— Германик Юлий Цезарь был одним из величайших римских военачальников, — ответил я. Он был отцом Калигулы, прославленным воином, которого отравили, когда Калигуле было всего семь, и я заметил, как тот заерзал. Он нахмурился и наклонился вперед, словно, всего лишь упомянув имя его отца, я пересек какую-то священную черту. — Германик стал консулом благодаря своей победе в Германии. И все же, когда он отправился в Александрию и увидел, что там голодают, он открыл хранилища, чтобы люди могли насытиться. Его почитали словно фараона; останься он там, его бы сделали богом. Но Цезарь был зол, потому что так в Рим поступало меньше зерна.

— У нас урок истории, — спросил Сенека, — или ты к чему-то ведешь?

— Я вот к чему: именно доброта Германика, а не суровость Красса лучше отражают суть Рима. Германик бы рабов не распял. Можно сражаться с варварами и не уподобляясь им.

Я смотрел на Сенеку, выпятив грудь, довольный своим небольшим выступлением. Существовало неписаное правило, которое запрещало говорить о загадочных обстоятельствах смерти Германика, но я решил, что упомянуть его имя в подобном контексте вполне возможно. Моя позиция была особенно грамотна потому, что именно его сын Калигула столь рьяно утверждал, что распинать рабов — это правильно. Быть может, теперь даже Калигула дважды над этим подумает.

И все было бы хорошо, позволь Сенека поставить на этом точку. Но он никогда не давал нам насладиться моментами ораторского триумфа. Когда мы особенно чем-то гордились, он с легкостью выбивал твердую почву из-под наших ног и мы вновь чувствовали себя никчемными.

— Интересный ты выбрал пример, Феофил. Но вот вопрос: были ли действия Германика законными? Должен ли он вообще был появляться в Александрии? Или ты построил свои аргументы на нарушении тех самых законов, которые мы, по-твоему, должны соблюдать?

Все мы знали ответы на эти вопросы, но я не хотел произносить их вслух. До осиротевшего сына Германика было меньше четырех метров.

Но что есть истина? Именно эту мысль и пытался донести до меня Сенека за прошедшие два года обучения. Если что-то сбивает нас с мысли, говаривал он, так это только размышления над посторонними вопросами, мешающими мыслить трезво. Он советовал отыскивать истину и твердо ее держаться. Он задавал всего один вопрос, на который мы должны были ответить, вопрос, на который должны опираться наши ответы в самых сложных жизненных ситуациях.

Что есть истина?

— Это было незаконно, учитель Сенека. Германик отправился в Александрию из-за своих предков, ведь он был потомком Марка Антония. Но законы Цезаря Августа запрещали любым представителям правящих кругов появляться в Александрии.

— Значит, Германик был преступником?

— Да, — даже не задумавшись, ответил я.

Такова была истина. Но порой у истины оказываются неожиданные последствия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. УЧЕНИК.....	11
Часть II. НАСТАВНИК.....	39
Часть III. НАЗАРЯНИН	79
Часть IV. СЕНАТОР.....	151
Часть V. ВЕСТАЛКА.....	205
Часть VI. ГЛАДИАТОР.....	239
Часть VII. ЗАГОВОРЩИК.....	305
Часть VIII. АПОСТОЛ	347
Часть IX. СВИДЕТЕЛЬ	419